

БЫЛИНА

Какъ святые горы вынесутъ насъ въ
каменныхъ пещеръ своихъ русскі-
ихъ могучихъ богатырей.

КЫЛИНА

**КАКЪ СКАТЫА ГОРЫ ВЫПЪСТИЛИ ИЗЪ
КАМЕННЫХЪ ПЕЩЕРЪ СВОИХЪ РУС-
СКИХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЕЙ.**

„ЗЛАТОУСТ“
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЮНХЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
Пророческая былина	5
Новая песня „русской Илиады“	7
Как святые горы выпустили из каменных пещер своих русских могучих бо- гатырей	11

ПРОРОЧЕСКАЯ БЫЛИНА.

Разве есть еще в мире народ, который и по сей день слагает былины?

Есть.

Это—русский народ.

В чьем сердце зародилась эта могучая, богатырская мысль? Может быть, старуха-сказительница услышала ее в гуле вологодских лесов, или ей поведали старики, что хранят предание о Невидимом Граде и об озере Яре глубокою. А, может быть, Господь послал нам ясновидящую во дни лихолетья, чтобы ее устами передать волю Свою.

Совсем недавно родилась эта былина в Вологодской области. Слушали ее, затаив дыхание, и стар и млад: великое страдание запечатлено в ней. Страдание, — но и воскресение.

Но не видать бы нам этой жемчужины, не читать золотых строк, если бы не старание безызвестных смельчаков, спасших рукопись былины, и если бы не братья книгопечатни Преподобного Иова Почаевского, издавшая ее впервые.

Русское спасибо всем, спасшим это народное достояние.

Видно, на то воля Божия, чтобы былина вышла в свет вторично и обошла бы всех живых россиян,

Былина издается с полным сохранением текста первого издания (1938 г., Владимирова). Единственное изменение, допущенное в новом издании, сводится к заменению старой орфографии новой.

Сегодня истинное время ознакомить широкие слои читателей с новейшей былиной нашего эпоса, ибо она является короной в цикле всех наших былин и как таковая, должна быть введена в курс средних школ.

Она пронизана Свято-Русской идеей.

В дни безверья и упадка духа, она явится после Евангелия лучшей целительницей и вдохновительницей к подвигу служения своему народу.

М.

Новая песня «русской Илиады».

Незадолго до моего отъезда из Советской России в 1925 году довелось мне прослушать в одной из глухих деревень северных губерний старуху-крестьянку, которая славилась знанием наизусть многих тысяч стихов героических песен и былин, читая их нараспев.

На далеком севере России можно было до последнего времени найти среди крестьян таких старух, называемых „сказительницами“, обладавших замечательной памятью и свято хранивших те многочисленные сказания о древних богатырях, которые они получили в наследие от отцов и дедов.

Старухе, которую я слушал, было уже больше 80-ти лет, но держалась она удивительно бодро, смотрела горячо, хотя и несколько сурово. Звали ее „бабка П.“ и пользовалась она, видимо, большим авторитетом. Крестьянин, у которого я в пути остановился на ночь, отзывался о „бабке П.“ с уважением: „Она у нас и комиссарам разным, которые наезжают, на хвост ступает, а язык у ней — вострее ножа“. Этот же крестьянин сообщил мне, что „бабка П.“ знает много, „и сказать нельзя, как она много знает песней о богатырях стародавних. Что ни вечер, старики сидят у ней да слушают. И мы заглянуть можем, коли есть охота у тебя“.

Конечно, я воспользовался редким случаем послушать в коммунистическом царстве песни о древней Руси и отправился к „бабке П.“

В ее большой чистой избе, где пахло мятой, я увидел человек двадцать пожилых крестьян, сидевших на скамьях у стен. Сама бабка П. помещалась у малень-

кого окна в деревянном кресле. Немного правее ее, над головой, в углу, висела икона Богородицы, освещаемая большой лампадой красноватого цвета.

Начала рассказывать. Удивительно музыкален был ее речитатив. Много и долго она певуче сказывала. Закончила былиной „Отчего перевелись богатыри на Святой Руси”.

Умолкла. Все мы тоже молчали, взволнованные знаменитой песней. Вдруг один старик крестьянин тяжело вздохнул и сказал: — Оно и понятно, милые мои, отчего в нашей Рассее нонче так тяжело жить... Давят тебя со всех сторон. Богатырей наших нет с нами. Согрешили они, как и мы все, окаянные. Ну, Господь и превратил их в камень. Закаменел, значит... Одначе, как думаю я, они не померши... Закаменели... Ты, как насчет этого бабка П?

— Значит, оживут — после небольшой паузы ответила старуха. — Оживут — настойчиво, с каким-то непреклонным упорством повторила она. — Господь — милосерд. Он простит, да и Мать Божия, коли что, Сына Свою упросит, чтобы Он простил. Безприменно оживут! — еще раз и теперь уже возвысив голос сказала старуха. — По-моему, богатыри наши кормильцы и заступники вообще не каменели, а только в темницах темных, каменных заключены. Оно, конечно, хвастовство русских витязей — великой грех, одначе, грех не смертной.

Замолчала. Сидя выпрямилась, как будто лишнее с плеч своих сбросила. Взглянула, прищурившись, так, что захотелось оглянуться, будто-бы она увидела что-то позади всех нас. Перскрестилась вдруг, чего раньше, начиная былину, не делала. „Запела”. Спокойно, сильно, благоговейно „запела” своим точеным речитативом.

Очень скоро я уже боялся шелохнуться. Забыл вынуть записную книжечку! Думаю, впрочем, что мне и не позволили бы записать, сочли бы кощунством. Все замерли на своих местах.

Старуха начала свой сказ удивительным, по глубине мысли, „заклятием-поучением”. Затем последовал новый вариант былины „Отчего перевелись богатыри на Святой Руси”, и за ним уже совершенно незнакомая мне былина. На другой день я должен был покинуть деревню, но успел в часы до отъезда побывать у „сказительницы” и

с ее слов записать всю былину. Не зная стенографии, писал торопливо, сокращая слова и иногда целые выражения. Некоторые части былины пришлось восстанавливать с большим трудом*).

По желанию самой „сказительницы“ я озаглавил ее былину:

„КАК СВЯТЫЕ ГОРЫ ВЫПУСТИЛИ ИЗ КАМЕННЫХ ПЕЩЕР СВОИХ РУССКИХ МОГУЧИХ БОГАТЫРЕЙ“.

Чтобы лучше понять содержание и смысл этой новой былины, нужно знать, что введением к русской „Илиаде“, как циклу героических песен (по гречески песня — *odé*) об Илье (по гречески — *Ilias***) является песня о богатыре Святогоре, символизирующем стихию. Христос, исцелив Илью — „сына христианскова“, наградив его могучей силой, запрещает ему, например: „биться с Святогором-богатырем, которого Матерь-Земля еле носит“. Встретившись со Святогором, не узнал его, начав с ним битву, попав к нему „в карман с конем своим“ и вынуженный отступить самим Святогором, Илья — рассказывает „былина о Святогоре“ — меняется с ним „нагельным крестом“, становится „крестным братом“ богатыря.

*) Только с 1933 года начал я получать частями из Советского Союза сделанную мною запись былины. Занявшись былиной, я пришел к убеждению, что былина представляет, как бы цикл «былинок», над которыми «сказительница» работала, очевидно, в разное время. Во всяком случае, цикл пронизан одной идеей и настроением. Это позволяет всю запись назвать произведением, целостным по содержанию, но не всегда одинаковым по форме, что объясняется несовершенством моей записи, вследствие чего, как я выше заметил, «части былины пришлось восстанавливать с большим трудом».

**) Любопытное в заглавии фонетическое совпадение с «Илидой» Гомера, где *Ilion* — Троя.

Н. Мишеев.

КАК СВЯТЫЕ ГОРЫ ВЫПУСТИЛИ ИЗ КАМЕННЫХ ПЕЩЕР СВОИХ РУССКИХ МОГУЧИХ БОГАТЫРЕЙ*)

* * *

Где ума твоего не хватает, спроси разума,
Разума доброго, тихого, мудрого,
От Божьей беседы всегда молчаливого,
Вещного, крепкого, ко зову сердешному чуткого,
Твоего охранителя, перед Богом заступника.

I.

Избив на Сафат-Реке силу татарскую,
Порасхвастались витязи славные, Русские, —
Не иначе, как разум оставивши,
И на ум голой свой понадеявшись,
Что и с силой нездешней пора им бороться.
И явилась им сила нездешняя, ясная,
Двое небесных воителей: не признали их витязи...
Налетел млад-Алеша, что первым расхвастался,
На две части рассек двух воителей,
И предстали уж четверо, не двое воителей.
От меча вострова Добрыни Никитича
Пали четыре воителя, но встало их восьмеро.

*) Былина приводится мною в транскрипции некоторых особенностей великорусского наречия, напр. имен. пад. прилог. муж. р. ед. числа с окончанием на ой; род. пад. прил. м. р. ед. ч. — на ава, ево, ово. Что касается род. пад. прил. мн. ч. с окончанием на бих, их, то, по всей вероятности, здесь надо усматривать влияние церковно-слав. яз., который любила «сказительница», бегло читавшая богослужебные книги.

После сечи стар-Ильи Муромца,
После свиста Васьки Буслаева, копя Иван Гостинново
Шестьдесят и четыре поднялося воителя.
Бросились витязи на силу нездешнюю,
Все плечом пошли о плечо, как один.
Стали силу колоть и рубить,
А сила небесная все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Утомились витязи, уходились, испужались.
Побежали в горы святые, великие,
Под защиту брата старшова свово,
Брата крестовова, Святогора самово,
Святогора огромаднова, завсегда спящева.
Разбудили они брата свово,
Разбудив, взмолилися;
От страха без слова, без речи взмолилися;
Илью-Муромца—сына христианскова,
Атамана свово, первым поставимши.
Простирал Святогор глаза свои—озера бездонныя,
Насугробил он брови свои—леса дремучие,
Всколыхнул зевотой своей землю стоячую,
Потянувшись, задел облако ходячее,
На Илью, как на диво-дивное уставишсь.
Признал Илью, с кем крестом своим поменялся,
Познал сердцем мольбу витязей горькую,
Хватил Святогор Русских витязей и коней их заодно,
По карманам своим—по пещерам глубокиим
порассовывал,
А сам, вздохнувши, долговечным, крепким сном заснул.

II,

И от сна-то от етова крепкова,
От тяжелова сна, от грузнова,
Великая мука богатырям выпала.
Адова мука мученическая....
Сами-то они не спят,
Не спят и в темноте своей не видют,
Но усе слышут, усе разумом своим понимают.
Как но Святой Руси Кривда пошла, разгулялася,
Сама Кривда поганая, басурманская,
Как она поедом-ест народ православной,
Церкви Божии закрывает,
Людей Русских убивает.
—«Нет, меня, Кривды, ничево сильней на свете,

Со всякой силою могу бороться,—
С Самим Христом—Царем Небесным»!—
Кривда так говорит, похваляется,
Над Русским народом потешается, —
И где стоит он на Матери-земле,
Где бредет он по ней—и все сиротинушкой.
И тады криком-крикнул Илья-стар,
Илья—сын христианский в темноте своей,
Крик-то ему великой сердце подало,
А от сердца пошло в голову седую Ильи.
—«Гой еси Ты, Богородица наша, Мать-сыра земля!
Ты прости сынов Твоих младших,
Богатырей Русских, стародавних,
Что с похвальбы своей нечестивой,
В темном полону сидят в горе каменной,
Сиднем сидят века длинные, колючие,
Века колючие, занозистые и вострые,
Подыми Ты от сна старшова сына Твоого,
Святогора великова из великих богатыря!
Дай нам волюшку, слободу царскую,
Чтобы, верою послужить и правдою,
Верой-правдою земле Свято-Русской,
Народу своему Русскому-православному....
Гой еси Ты, Богородица, наша Мать-сыра земля!
Ты услышь моление сынов Твоих младших
Богатырей могучих, Русских». —

III.

И прошел наскрозь истошный крик Ильи,
Илья—сына христианскова, горы каменные,
И поднялся крик поверх облака ходячева,
И взлетел крик к небесам златоверхим,
И упал крик, и приткнулся крик комочком болезненным,
Комочком болезненным у самого престола Богородничнова.
Богородица-то комочек болезной приметила,
Крик-то ево истошный слышала,
Моление Ильи к сердцу Своему приняла,
К сердцу своему приняла, горько всплакнула,
И к престолу Сына Своего, Иисуса Спасителя,
По лазурным ступеням, склонив голову,
Склонив голову, тихой взошла поступью!
Она молит Чадо Свое любимое,
Она слезы льет, что частый дождь идет,
Она просит прощения богатырям Русским.

Открывал он карманы свои—пещеры темные,
Выезжали из тех пещер глубоких
Славные и могучие богатыри,
Богатыри Свято-Русские и все рядышком:
Илья-Муромец, роду христианскова,
Добрыня Никитич, боярский сын,
Алеша Попович, роду поповскова,
Иван Гостинной, купеческий сын,
Васька Буслаев от слободнова Новгорода.
Выезжали они, сняв шеломы, крестились,
На все стороны, на четыре все низко кланялись,
Подтянув богатырских коней, подправлялися,
Приезжали к ночи на Сафат-реку.
Разбив бел шатер на реке, молилися,
Помолившись, опочив держали,
Опочив держали, окромя атамана свово,
Казака старова—свет Ильи Муромца,
За всех печальника—сына христианскова.

Богатырский сон глубже моря-окияна,
Богатырский храп—на сто верст кругом.
Не змея подколодная—ночка темная
Вкруг Ильи с сладким шепотком увивается.
—„Ты усни, Илья, приклонись,—сон дороже матушки.
Как без сна бой держать и победу кончать?“—
Илья слушает, думу думает, усмехается,
Седым крутит усом своим, забавляется.
—„Ах ты ноченька, ночь, тюрьма каменная!
Не сидел ли Илья за решеткой твоей,
Слушал песни твои, наговоры твои,
Чтоб уснуть стар-Илье, чтоб забыть вся и всех?..
Не уснул, не вздремнул сын крестьянской Ильи,
И сквозь песни твои услышал стон Руси,
Расслышал и воззвал... Услыхали его.
Стал на стражу Илья, за покой мать-земли.
Ах, ты, ноченька-ночь, тюрьма каменная!
Сладки песни твои, ко сну тянут они.
Да заснет стар-Илья, и конченье придет
Православной Руси и всем деткам ее“—
Огрызнулась ночка темная ветром буйным, холодным,
Пролила ведьма дождь на Илью с облака висячева.
Стала змея собираться в путь-дорогу далекую... |

А на Божьей стороне, на восточной, цветы алые
показались,
Поднялась, заиграла, рассмеялась Илье зорька светлая,
Перед солнышком ясным—перед молодцом добрым вся
раскраснелась.

Выпрямлялся Илья в богатырский свой рост,
Воздыхал грудью полною.
Омывался в реке, поклонялся Христу,
Припадал к земле-матери,
Возставал—«Что за шум? Аль ослышался?»—
Оглянулся. Видит он—ко Сафат-реке
Ползет туча темная-черная, грозная-превеликая,
Идет войско Кривды самой—бусурманское.
И кричит стар-Илья зычным голосом:
—«Ой, уж и где вы, эсаулы мои, братья названные?
Вы проснитесь, подымитесь, на борзых коней садитесь!
Приезжайте к атаману своему, Илье—сыну
крестьянскому».

Просыпались витязи могучие,
Подымались эсаулы от зова богатырскова,
Христу молились, на коней добрых на своих садились,
К атаману своему все съезжались.
И возговорит Илья Иванович—сын крестьянской:
—«Ой, и гой же вы эсаулы мои храбрые,
Витязи русские могучие!
Старой казак Илья-Муромец сам в лоб на Кривду пойдет.
Ты, Добрыня Никитич, ударь справа по Кривде!
Ломи слева, Алеша, силу проклятую!
Нажимай ее с тылу, Иван Гостинной!
А ты, Васька, из Новагорода,
Как заметишь, где слобода твоя нужна,
Воля твоя нужна, гулящая да непокорная,
Там и ударь на Кривду!
Да ударь с гиком и посвистом молодецким,
Чтобы Кривда эта испужалась,
Не так меча твое булатнова испужалась,
Как гика и посвиста твоего молодецкова,
Молодецкова, слабоднова да гулящева».—
Не соколы ясные на краснова зверя кидались,
Русские витязи на войско Кривды бросались.
Стали они силу Кривды колоть-рубить.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут.
Как взмахнет меч булатной Илье—просека видна!

В лоб на Кривду пошел Муромец.
Показалась она... Огромная вся...
Одним глазом глядит... Кривобокая!
Песье рыло заместо лица,
Языком, что с версту, обтирается.
Булавой в сорок пуд размахнулся Илья...
Потемнело в глазах, подвернулась нога,—
С пустым местом борьба не под силу...
Когда встал, Кривды нет... На просеках везде
Полным-полно опять черной рати...
Тридцать ден, три часа, три минуточки
Смертным боем таким бились витязи...
Утомились их плечи могучные.
Уходились их кони добрые,
Иступились мечи их булатные,
А Кривда все с боем идет,
Все новую силу с боем ведет.
И упал тады Илья—сын крестьянской,
И припал он к Матери-сырой земле.
—«Ой, и гой еси Ты, Богородица,
Богородица моя, Мать—сыра земля!
Ты прислушайся к Илье, сыну Твоему,
Сыну Твоему верному—крестьянскому.
Не очам его дано было то видеть,
Не ушам его дано было то слышать,—
Сердцу ево, оглянувшись, душа тихо молвила,
Что сила нездешняя, не небесная,
Не небесная, пододонная,
Рядом с Кривдой стоит,
Бой держать Кривде неустанной велит»—
Подымался стар-Илья от земли на ноги,
Божий крест клал на себя по писанному.
Почал звать эсаулов—своих товарищей
На последний совет, на завещанной.
Побежали они вчетвером, становились:
Усталые, исхудалые, почерневшие, потемневшие.
Только слово свое Илья молвил, вдохнув,
Как приметил, что витязей больше: всех пятеро!
Диво-дивное! Чудо-чудное!
Захотел опросить, да взглянув, опознал
Одного из воителей, от которых бежал в горы каменные.
Опознали все витязи, опознав, признали
Вернова братца своо названного—Егория Храброва.
Склонились от стыда жгучева головы витязей.

Над кем хвастались?.. С кем боролись? Ково испужались?
Забыв службу свою православной Руси,
Куда спрятались храбрые?.. На ково Свято-Русскую,
бросили...

V.

То не ветер утренний, ласковой.
Пролетал над дубами высокими, могучими,
Пролетал, пробуждал, поднимал
Головы их, ночью темною к долу пригнутые...
То Егорий-свет Храброй подходил,
Подходил, подымал, головы Русские—богатырские,
Подымал, обнимал, целовал,
Целовал свет—Егорий, улыбаючись.
То не птичка Божия—жаворонок в небе,
Дню рабочему-трудному, крестьянскому,
Песнь свою ясную, от солнышка завсегда теплую,
Из поднебесья возсылал заутра.
То Егорий Святой своим голосом,
Распевом своим чистым, ангельским,
Смеючися, утешал тихо Русских витязей-работничков:
—«Кто старое, братцы мои, помянет, тому глаз вон»!
От целования тово братскова—Егория,
От прощеннова гласа ево теплова, веселова,
Становилися витязи во весь рост свой огромной,
Раздвигали, выпрямляли богатыри плечи свои о косу
сажень,
Подымали головы свои непобедные с шеломами
железными,
Хватались руками могутными своими за мечи булатные,
Наливались по жилушкам своим силою Русскою
стародавнюю,
Смотрели, не насматривались на Егория Храброва,
На свет-Егория, Заступника земли Свято-Русской,
По колена ноги у Егория в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная,
Власы у него светло-русые и все в кудреньках,
По всем Егории часты звезды.
Млад, юн, неизреченно прекрасен свет-Егорий,
И горят огнем глаза ево от сердца ево горячева
От сердца ево горячово, от любви ево к земле Свято-
Русской.

И возговорит Алеша-млад, что первым в старое время
расхвастался:
—«Ты скажи нам, Егорий-свет, Егорий наш милостивец,
Что эта ль не увиделся нам ты давеча на Сафат-реке,
На Сафат-реке с звездами на тебе чистыми?..
Что эта ль не приметили мы тебя в чистом серебре, в
красном золоте,
В красоте твоей неизреченной и с гласом твоим
ангельским?
Неужли приметив тебя, мы бы с тобой дралися,
билися?»—
И отвечает Егорий-свет гласом своим ангельским:
—«Брат мой, названной, Алеша-млад, богатырь Русский,
могучий,
Тебе первому мое научение, а прочим не наученье—
совет доброй:

Гнило слово похвальное,—
Похвала человеку пагуба.
Темнит слово похвальное, поспешное, громкое,
Темнит разум, Господом-Богом дарованной,
А без светлова разума ночка в сердце темная..
Много ль, Алеша видится, примечается ночью осенней-
темною?»?

VI.

И пошло слово доброе свет-Егория к богатырям
Русским,
К богатырям Русским в самое сердце их горячее.
В том сердце своем они заложили, в уме-разуме
проявили,
Чтобы на все времена вечныя, на все века длинные
Ничем не хвалитися, ни пред кем не похвалятися..
И только это они в сердце своем такое заложили,
В сердце своем заложили, в уме-разуме проявили,
Как заприметили рядом со Егорием Храбрым
Другого воителя, светлова-пресветлова, великова,
могучева,
Заприметив, признали, что и с ним на Сафат-реке
боролися,
А признав, на колени, как один, все опустилися,
Все опустилися, до земли-матери сырой все поклонилися.
Русские витязи, во шрехе своем исповедамшись,
Архангелу Михаилу, Архистратигу Небесных сил
поклонилися.

И возговорит Архангел Михаил, Архистратиг Божий:

—«Не мне, слуге Божьему, служителю вашему
кланяйтесь!

Господу-Богу, Христу Иисусу, Ево Матери Пречистой,
Богородице, Заступнице вашей кланяйтесь!..

Кланяйтесь и подымайтесь, вставайте витязи, богатыри
стародавние!

На добрых на коней своих борзых садитесь.

Начинайте бой последний, бой смертной со Кривдою,

Бой смертной со Кривдою в защиту земли Свято-

Русской,

Обходите вы войско Кривды поганое с трех сторон,

А четвертую-напереднюю я возьму со Егорием, братцем
моим названным!»!

Тяжело от силушки новой богатыри подымалися;

Грузно на Мать—землю сырую опиралися;

На борзых на коней своих садилися, укреплялися.

Борзые кони одним скоком сто верст делали,

Сто верст делали, войско Кривды с трех сторон

объезжали,

А четвертую, напереднюю, Архангелу Михаилу и

Егорию оставляли.

Ревет-ревом медвежьим-звериным булава в сорок пуд

Ильи-Муромца,

Рубит, что по деревьям топориче, булатной меч

Добрыни Никитича,

Звенит-звоном, сечет, что коса траву, сабля вострая

Алеши Поповича,

Гудит летом своим копье длинное Ивана Гостиннова,

Свист и гик повсюду слышатся Васьки Буслаева.

В напередней стороне к шатру высокому самой Кривды,

Кривды самой одноглазой и хранителя ее незнаемова,

Архангел Михаил и Егорий Храброй без усталы

пробиваются.

Вот уж и малое поле, чистое-невеликое,

Чистое-невеликое между силами нездешними,

Силами небесными, силами пододонными

Для великова боя, не людскова боя, взору открывается.

И возгорелось сердце ретивое, юное у Егория Храброва,

И соколом ясным наперед Михаила Архангела

Бросался он на Кривду одноглазую, что глядела на него

Усмехаючись, глядела на него, издеваючись,

приглашаючи.

Вот уже у самова стана Кривды Егорий Храброй,

Поднимал он левой рукой копьё свое вострое,
Замахивался Егорий мечом своим булатным,
Правой замахивался, чтобы снести голову Кривде
одноглазой,

Да... затряслися ноженьки серебряные у Егория,
Занемели рученьки его золотые,
Замораживалось сердце Святова Егория,
Замалкивал он, как молотом пришибленной,
Заволакивались глазки ево прекрасные,
Закрывались ушки ево под кудрями светлорусыми,
Делался Егорий камнем мертвым, железом окованным...

Увидел Егорий рядом со Кривдою
Самова Христа Царя Небеснова,
Темным взором на нево,
На Егория Храброва, гневно глядевшева...
То не вихрь-буря с окяна моря вырвалась,
То не гром-молния дуб могучий в клочья расщепила!
То Архангел Михаил орлом взвился над Кривдою,
Мечом огненным ей снося голову.

И заприметил тогда, очнувшись, Егорий Храброй,
Заприметил он, как некий, за Христа им принятой,
Как некий сей почал меняться и меняться:
Стал страшен, дик и лют, аки лев рыкающий,
Гадок, подл и лукав, как змея подколодная,
Мерзок, дерзок и блудлив, аки нечисть болотная,—
Антихриста увидел и познал Егорий Храброй.
О ту пору было побито и полонено войско Кривды поганое;
Богатыри русские, могучие стародавние
Ко Егорию Храброму отовсюду съезжались,
С трех сторон на четвертую—приезжали,
На четвертую приезжали, Егория-свет окружали,
На Антихриста лютова, лукавова, дерзкова,
На силу нездешнюю, пододонную, пугающую, глядели.
—«Братцы мои, витязи русские, могучие,
Не по нас сила антихристова, великая, страшная и
черная»!

Говорил шепотком тихим Егорий Храброй.
—«Не по нас,—не можем мы с нею на победу бороться,
Можем молиться, ко Христу Иисусу обратиться.
Да будет воля Ево, яко на небеси, тако и на земли!»
Сняв за Егорием шеломы, витязи крестилися,
Православным крестом крестилися, на колени опустилися,
Опустилися, молилися, ко Матери-земле сырой
прислонилися,

За избавление земли Свято-Русской от Антихриста
 молилися...
 И вознеслось то моление русских витязей и Егория
 Храброва к Богородице,
 Вознеслось к Пречистой Матери Христа Царя Небеснова.
 И вопрошает тады Богородица Чадо Свое любимое:
 —«О, Чадо Мое любимое, Спаситель рода человеческого!
 Ты скажи, поведай Мне, а не пришло ль время тому
 Антихристу голову рубити?
 А не настал ли час ему землю Свято-Русскую оставлять,
 Народ православной-Русской ото всех мучениев
 избавляти?
 Аль не пора, не время ли народу русскому свой труд,
 свою работу делати,
 Свою работу делати, своим трудом оправлятися,
 От погрешениев своих очищатися,
 Церкви Божие становити, Господа-Бога благодарити?»—
 И возговорил Иисус Христос Царь Сам Небесной:
 —«О, Мати Моя возлюбленная, во всех женах
 благословенная!
 Не пришло еще время тому Антихристу голову рубити,—
 День тот и час—великая тайна, неизъяснимая...
 Настало время тому Антихристу Свято-Русскую оставлять,
 Народу русскому-православному от мучениев
 избавлятися,
 Свою работу делати, своим трудом оправлятися,
 от прегрешений очищатися,
 Церкви Божии становити, Господа—Бога благодарити»—
 И дает приказ Христос Царь Небесной
 Архистратигу Свому, Михаилу Архангелу,
 Антихриста лютова со Свято-Русской земли прогнати.
 —«Братцы мои, витязи русские, могучие!
 Вы вставляйте с сырой земли на ноженъки резвые,
 выпрямляйтеся!
 Выпрямляйтеся, да креститесь,—великой бой начинается,
 Антихрист лютой, дерзкой и мерзкой со Свято-Русской
 изгоняется!»
 Говорит Егорий Храброй, говорит на небо глядячи,
 улыбаючись.
 Всакивали богатыри могучие, на ноженъки резвыя,
 Всакивали, выпрямлялися, крестилися,
 На бой великой, невиданной глядели,
 Глядели, к свет-Егорию братцу своему названному
 теснилися.

Антихрист лютой, все меняючись, меняючись, черным
вороном заделался.
А длина тому ворону—тысяча верст, а в поперечину с
крыльями и все две тысячи.
Голова у тово ворона чернова—гора огромная,
Глаза ево—геена огненная, все опалимая злобно-злобная,
Клюв ево и когти железные, вострые-вострые.
Держит тот ворон черной в лапах своих Свято-Русскую,
Крыльями прикрыл, когтями разрывает, клювом клюет,
Клювом железным клюет, кровь горячую пьет.
Стонет Свято-Русская. Черной ворон потешается.
На восточной стороне, на солнечной—небеса свернулися,
Небеса свернулися, Царство Божие на минуточку
раскрывалось,
На минуточку раскрывалось, сердце витязей русских
осветилось,
Сердце осветилось, радость неизреченную вечную
оставило.
То не молния золотая, строгая из того Царства Божия
взвилася.
То не братец ея родной, гром небесной грозно ударил,
То Архангел Михайл, Архистратиг могучий,
По велению Божьему, по приказу Христову на бой с
Антихристом заявился,
Заприметив Архангела, раскрывал Антихрист-ворон
крылья черные.
Поднимался весь огромной, темной со глазами
огненными,
Закрывал своей чернотой солнце красное, темнил небо
ясное,
Темнил небо ясное, на Архангела камнем в тысячу пуд
падал,
Камнем падал, крыльями черными, чудилось, обхватывал..
Заклохотнуло сердце у богатейей русских.
Бросались они к братцу своему названному.
—«Ты скажи, скажи нам, свет-Егорий,
Скажи всю правду-истину... Неужли?»
Покачивал головой своей жемчужною Егорий Храброй,
улыбаючись,
Корил братцев своих, витязей русских,
Малой верою их корил во Христа Спасителя.
Давал слово свое верное-нерушимое,
Что не вернется Антихрист—злой ворон на Свято-Русскую,
Что грядет земле Свято-Русской великая радость,
А русскому народу-православному милость и утешение.

„ЗЛАТОУСТ“
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЮНХЕН